

Розожин В.П.

ФИА
ФАК

2

Записки
скверного
мальчишки

Валерий Рогожин

**Филфак-2. Записки
скверного мальчишки**

«Издательские решения»

Рогожин В. П.

Филфак-2. Записки скверного мальчишки / В. П. Рогожин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909074-4

Книга представляет собой сборник художественных воспоминаний о студентах семидесятых годов прошлого столетия и просто о том замечательном времени, времени, когда автор и его друзья учились, выросли, влюблялись, просто жили. Все истории написаны по действительно происшедшим фактам, все события происходили в жизни. Фамилии, указанные в тексте, изменены.

ISBN 978-5-44-909074-4

© Рогожин В. П.
© Издательские решения

Содержание

Бытовщина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Филфак-2

Записки скверного мальчишки

Валерий Петрович Рогожин

© Валерий Петрович Рогожин, 2018

ISBN 978-5-4490-9074-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается нашей юности, безалаберной и веселой, нашей молодости, энергичной и влюбленной, и тому времени, неповторимому и прекрасному...

Бытовщина

*Тихо тикают часы
На картонном циферблате.
Вязь из розочек в томате
И зелёные усы.
Возле раковины щель
Вся набита прусаками,
Под иконой ларь с дровами
И двугорбая постель...*

Саша Черный

К чему такие стихи, и вообще это стихи ли? Что это такое?

Это наш быт. То без чего немислима наша жизнь, то, что частенько эту нашу жизнь ломает и рушит своей неустроенностью. Не зря почти перед самым концом поэт пишет в записной книжке: «Любовная лодка разбилась о быт...». А другой:

«Но вы не знали, Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей **быте**
С того и мучаюсь, Что не пойму
Куда несет нас рок событий...»

Быт определял нашу жизнь. И в общежитиях, и вне их.

* * *

Вспоминается, еще до Универа, еще до службы в Армии довелось мне в течение года учиться в Московском институте Стали и Сплавов. Институт не Университет, организация победнее и с общежитиями у них соответственно похуже. Где-то на окраине столицы который год продолжалось строительство, которое должно было решить проблему жилья для одного отдельно взятого института в Москве, а пока... Очень люблю приводить запомнившиеся КВНовские строки тех времен:

Ты помнишь, Алеша, дороги Салты́ковки,
Как шли бесконечные злые дожди,
И как студент, одуревший от выпивки,
Плакал, зачетку прижавши к груди.
Как слезы он грязной ладонью размазывал,
Как вслед нам шептал: «О, Господь вас спаси!»
И к коменданту дорогу показывал,
Будто с этапом мы шли по Руси...

Институтская администрация нашла вблизи от столицы благоустроенный дачный поселок Салтыковская. Летом его заполняли до предела дачники, но летом студенты и не нуждаются в общежитиях, разъехавшись по стройотрядам, экспедициям, практикам и просто по домам на вакации.

А вот в зимний период, когда и требовалась жилая площадь, дачники уезжали в благоустроенные квартиры в Москве, а поселок стоял наполовину пустой, словно вымерший. Вот институтское начальство и договорилось о сдаче помещений студентам на время учебы.

Жили в поселке два младшие курса. Три-четыре-пять человек в комнате. На террасе кухонька с керогазом или примусом. Газа в Подмоскovie еще не было. Вода в колонке на ближайшем перекрестке. Остальные блага цивилизации и удобства на участке в конце огородика в фанерной будке. Все как в обычной деревне.

Именно так мы и жили, четыре здоровенных байбака, осваивающие высшую математику, физику и три химии. Ну это, конечно, помимо, начерталки, черчения, истории КПСС, иностранного, сопромата, термеха, и прочего, и прочего, и прочего.

Телевизора не было, и всю серость нашего быта мы разукрашивали немецким «Клостеркеллером», болгарской «Варной» и отечественной «Московской».

Стоящий неподалеку магазинчик блестел витринами, на которых было выставлено порядка сотни различных наименований множества вин, настоек, наливок, водок и еще не знаю чего. Это сегодня в винных магазинах пылятся один-два напитка отечественных, десятков импортных, и пить ни одну из этих жидкостей невозможно, а в те не столь уж и далекие времена все было иначе.

Короче, в один прекрасный день, когда мы убыли на занятия, в поселок прибыла комиссия от деканата. Бабушка-квартирохозяйка, желая, чтобы о ее постояльцах создалось самое преотличное мнение, решила несколько убраться в нашей комнатке. А для начала она собрала все бутылки в одну кучу и выставила их в углу комнатки.

Надо отдать должное, это количество пустой стеклянной тары смотрелось достаточно внушительно и весомо. Тут вскоре и комиссия появилась.

Бегло осмотрев условия нашего существования, проверяющие заинтересовались пустующей тарой.

– А это что такое? – самый строгий уже приготовился считать бутылки, записывать наши фамилии, чтобы срочно делать оргвыводы и принимать строжайшие меры для искоренения и наведения.

Нашей бабушке стало неудобно.

– Да, это милочка, я уборку делаю, так к ребятам пока временно поставила. Мои сынки-то в субботу приедут и сдадут все.

Комиссия еще раз осмотрела пустующую стеклотару. Здесь как раз самыми уместными были бы слова Василия Аксенова из «Затоваренной бочкотары»: «Затоварилась бочкотара, зацвела желтым цветком, затарилась, затюрилась и с места струнулась. Из газет»

Но не приходили в голову деканатской комиссии лирические слова известного писателя. Стояла она, глазами хлопала и переводила недоуменные взгляды с бабушки на бутылки и обратно. Потом вздохнула комиссия синхронно и сожалеюще, поскольку не могла она применить никаких мер к бабушке, старушке, идущей навстречу деканату и сдающей пустующую жилплощадь студенческим массам, почесала в затылках:

– Да, уж, бабушка! Вы и пьете!

И поехала вся комиссия в полном составе обратно в столицу под крыло к родной Альма-матер. Вот это и есть быт, это и есть наша повседневная жизнь, наш уклад.

* * *

Мы выпускники рабфака, по сравнению с только что поступившими салажатами, вчерашними школьниками и школьницами, мы уже тертые жизнью и познавшие общежитие и жизнь, мы здесь старики. Но все единым потоком, единой массой вселяемся в общагу, в наш дом на ближайший год-два-три, в Филиал Дома студента.

Интересный факт. Очень мало кто из заселяющихся привез с собой стакан, ложку, вилку. Отдельные единицы по настоянию мамы захватили чашку, ложку. Тазик и утюг даст комендант. А вот стакан и вилка понадобятся уже через полчаса после заселения.

На первых порах никто не побежит по столице искать посудные магазины, а пойдут по самому легкому пути, утащат всю эту мелочевку из столовой. Так что в первые дни после приезда молодой студенческой поросли все столовые ожидает мощнейший удар под дых: из залов внезапно исчезнут сразу сотни стаканов, ложек, вилок, тарелок, блюдец и прочей мелочевки. И так ведется даже не годами.

Это укоренившиеся обычаи, которым десятки лет. Время от времени столовая проводит рейды в поисках исчезающей посуды, что-то находится, что-то нет, но даже, если и находится, то только на время. Через день-два-три все только что найденное опять растворяется в пространстве.

Изначально предполагалось, что весь университет будет сконцентрирован, помимо нескольких старинных зданий в центре: Моховая, Герцена (бывшая Большая Никитская) и еще какие-то улочки и переулки, в одном здании на Ленинских, а ныне уже опять Воробьевых, горах.

И сразу построили город в городе. Дом студента, где все есть. Нас первоначально удивляло, что в высотке можно жить месяцами, если не годами, не выходя из здания. Там было все. Химчистка, гастроном, промтовары и парикмахерская, здравпункт, милиция и кино клуб с показом всяких новинок и фильмов, которые еще и не увидишь в других кинотеатрах. Рассказывали, что в пятидесятые годы, когда народ был хоть и бдительный, но гораздо более доверчивый, некий беглый преступник, которого по всей стране милиция разыскивала с собаками, познакомившись со студентами МГУ, успешно скрывался в высотке длительное время, чуть ли не несколько лет.

За первое же десятилетие руководство поняло, что общежитие в высотке катастрофически мало. И началось строительство, которое продолжается и по сей день. Общага Универса расплзается по Москве, как что-то паутинообразное. Стали появляться новые Дома, Филиалы Домов. Строились общежития и в наше время. Но мы въезжали и не думали о переезде. Мы думали о новой жизни и о новом счастье. ФДС состоял из семи корпусов собственно общежитий и корпуса одной общей столовой. Был еще один корпус какой-то административный, но его память как-то не донесла до нынешних дней.

Мы жили в пятом корпусе. Каждый корпус – это пять жилых этажей, пусть четыре, ну, первый этаж не полностью жилой. Там располагались, какие-то хозяйственные комнаты коменданта, буфет, который открывался вечером, когда основная столовая закрывалась, комната отдыха с телевизором и еще какие-то мелочи.

Остальные этажи – это длиннющий коридор с холлом посередине и сорок четыре комнаты, расположенные с двух сторон длиннющего коридора, почти все из которых на четыре человека. Видимо проектировали корпуса какие-то неведомые поклонники Даниила Хармса:

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре
Веселых чиж:
Чиж-судомойка...

ну и так далее.

Ну, у нас, конечно не сорок четыре чижа, а четырежды сорок четыре, причем большая часть и не чижи, а чижихи. Внизу при входе сидела вахтерша, старушка-божий одуванчик, которая блюла быт и нравы корпуса. И зачастую это были не старушки, а эдакие старушенции, которые поспорили бы по поводу своего физического и нравственного состояния с любым из студентов. Эдакий Савельич в юбке при новоявленном скопище Петров Гриневых.

Звали вахтера на деревенский лад почти по родственному баба Фекла или баба Вера, на крайний случай тетя Надя или тетя Поля и отвечала она за все: за дисциплину и за драки в корпусе, за то, чтобы в двенадцать ночи обязательно везде выключался свет и закрывались входные двери. Короче, за все, за что нельзя было спросить со студента, отвечал вахтер. Они знали в лицо почти всех проживающих в корпусе и, как рентген, безошибочно определяли куда и зачем выскакивает из здания в вечернее время жилец.

* * *

Почту приносили на первый этаж на специальный столик или в ящик с ячейками, а оттуда уже ответственные забирали ее на этаж. Но это, когда студенты жили в общежитии. В период каникул, особенно летних, редкая корреспонденция так и оставалась на первом этаже.

Многие рыцари неустроенного быта, у которых временно жизнь не сложилась, их вычистили из общаги или даже заставили покинуть стены Альма-матери, продолжали получать письма на общагу. И если это дело замечалось вахтером, мог разразиться скандал и достаточно громкий.

Так и произошло с одним знакомцем. Заскочив поутру в корпус ФДС он стал листать пухлую кипу писем, уведомлений, оповещений и прочих документов, доставляемых почтой. Вахтер моментально опознала лже-студента и строгим голосом потребовала:

– А, ну, положи немедленно почту!

– Сейчас, досмотрю и положу.

– Немедленно положи почту!

– Ну, сейчас, что я воровать ее буду, что ли? – одно письмо он уже отложил, намереваясь его забрать.

– Я кому сказала, немедленно почту положи в зад! – терпение вахтера не безгранично. – И письмо возверни на место и не трожь!

– Ага, сейчас! А фонтан с лебедями тебе не надо? – просматривающий письма уже тоже разозлился и невзначай вспомнил широко популярную тогда у нас поговорку про фонтан и лебедей.

На его беду, недалеко от общаги разбросалось вдоль улицы Дружба посольство КНР, а напротив в скверике расположился живописный прудик, заселенный белыми лебедями. Разъяренная вахтерша, ни слова больше не говоря своему оппоненту, снимает трубку телефона:

– Алло, это милиция? Тут неизвестный бандит вторгшийся в общежитие МГУ грозит утопить меня в пруду у китайского посольства.

Неизвестного охотника до писем только и видели! И еще неделю он не смел показаться где-то здесь вблизи от этого корпуса, боясь хотя бы просто пройти по дорожке рядом с окнами первого этажа.

* * *

На филфаке организуются, организовывались экспедиции на север в глухие деревни, в заброшенные местности, что бы изучать фольклор, записывать истории, собирать пословицы и поговорки, а этот фольклор жил и развивался рядом, на этажах общежития, в курилках учебного корпуса. Как-то я забрел на лекции по современному фольклору. Обычно они не прельщали меня, а тут неведомыми путями занесло неприкаянную душу в учебную аудиторию.

Читал лекцию профессор Аникин:

– Народ сам находит героев своих песен и сказаний. Среди них Владимир Ильич Ленин, Василий Иванович Чапаев...

Я забылся. Я сидел и размышлял, почему песни, сказания и легенды, которые неизвестно кто и где слагает и придумывает относятся к фольклору, а анекдоты и поговорки, которые у всех на слуху и которые рождаются чуть ли не на наших глазах, фольклором не считаются.

Поэтому, когда возникла небольшая пауза в словах лектора, я автоматически, но, как оказалось, достаточно громко, добавил:

– Петька, Анка, Софочка, Никита Сергеевич Хрущов...

Мои слова прозвучали громко, словно дополнение к лекции. В аудитории захихикали. Аникин помолчал. Потом сказал: «Глупо!» и продолжил лекцию.

Почему глупо я не понял тогда и не понимаю сейчас, ведь загадку «Не снегирь, а шейка красная» он все-таки отнес к современным русским загадкам в своем учебнике?

* * *

Совсем недавно встречаю приятеля:

– Привет!

– Привет!

– Как дела?

– Да так, помаленьку. Перебиваемся потихоньку с черного хлеба на красную икру. И вспомнилось. Старое. А ведь словно вчера случилось, будто только-только произошло. Сидим в комнате. Есть хочется до невообразимости. Но последние копейки вытащил из карманов позавчерашний поход в «Ракушку». Теперь остается только ждать.

Может быть нас кто-нибудь пожалеет и отвалит чего-то съедобного типа картошки, которую можно поджарить, или сварить, или на самый худой случай сварить в мундире.

Или кто-нибудь появится с карманом полным денег и можно будет купить картошки. А картошку всегда можно... Ах, да! Я уже это говорил.

Или кто-нибудь просто придет и принесет... Тоже, кажется, уже было

И вдруг и вправду прибегает девочка из соседней комнаты и к Малышу.

Малыш – это тоже девочка, только очень маленькая по комплекции из Краснодарского края. Она поступила прошлым летом, соответственно училась на курс младше, и почему-то была знакома с половиной второго этажа, где жили философы.

– Малыш, там к тебе от папы кто-то приехал, на вахте ждут...

Малыш вскочила и побежала. Возвращается минут через двадцать. Папа у нее капитан воздушного лайнера, то бишь здорового самолета, снующего по воздушным просторам всего мира. Какие-то спец перелеты. И вот он передал с оказией для Малыша трехлитровую банку полную красной икры. А у нас к той икре половинка позавчерашней булки черняшки. Поднапряглись и еще булку взяли. Вот и пошло с тех пор:

– Перебиваемся потихоньку с черного хлеба на красную икру!

Еще одна поговорка. Может дальше нашей компании и не вышла, но все-равно неплохая.

Ходил к нам мой земляк из Винницы Серега Тихарев. Студентом он не был никогда. Просто не получилось. Может финансовые проблемы в семье не дали возможности, может еще какие причины. Но ведь не это главное. К примеру, Валентин Пикуль не имел высшего образования, а какой был писатель!

Короче, мы не признавали дискриминацию по образовательному признаку и вообще были в те времена полными демократами.

Как-то выдался свободный от занятий денек, а может сами организовали свободный день и поехали куда-то на книжную ярмарку. Время от времени вдруг кто-нибудь загорался подспудным желанием и набиралась группа, которая ехала на какой-нибудь книжный развал.

Могли поехать в Тулу, я ездил в Тульскую область, могли поехать в какие-нибудь Бельцы, а то и в Кишинев, короче, туда, откуда прилетал слух, что там в свободной продаже появились хорошие книги.

Книги – это была валюта. Даже, если у тебя уже есть подобные экземпляры, даже, если тебе и вовсе не нужны книги, ты всегда можешь их продать, обменять, подарить в качестве ценного подарка.

Не помню, какие книги были привезены в тот раз, тем более я с ними вместе не ездил, но помимо прочего Женечка Вилиев привез большой поясной портрет, на котором был изображен Эрнест Хемингуэй. В сером свитере со своей шкиперской бородкой он смотрелся очень импозантно. Портрет повесили сразу при входе в комнату и он как бы просто преобразил все помещение.

А к вечеру приехал Серега Тихарев. Портрет он заметил сразу же.

Вначале подошел, затем отошел шага на два, насколько позволяли размеры помещения, постоял, разглядывая изображение, как бы пытаясь что-то прочесть в глазах Эрнеста, сложил пальцы так, чтобы между ними осталось маленькое отверстие, и посмотрел на портрет через это отверстие, как делают ценители живописи в третьяковке, а потом, наконец, произнес:

– Какой прекрасный портрет Юлиана Семенова!

Комната легла на одном дыхании! А фраза попала в золотой фонд местных поговорок.

* * *

В те далекие времена в состав социалистического лагеря входила Чехословацкая Советская Социалистическая республика. Это была хорошая богатая страна одна из самых богатых во всем социалистическом лагере. И в то время это была одна страна объединявшая две республики: Чехию и Словакию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.